

ОН ПРОСТО НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ЕЁ ПРАВДОЙ.

После 23:00

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН О ДОВЕРИИ,
КОТОРОЕ МОЖЕТ СТАТЬ ОПАСНЫМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ночной_Гость
он онлайн

Иногда
точность
выдаёт

18+

АИДА ХОЛЛ

Аида Холл

После 23-00

<https://litres.ru/74102844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если бы незнакомец однажды спас вам жизнь.

Если бы он первым замечал, когда вам страшно.

Если бы он заботился о вашей матери.

Если бы рядом с ним впервые за долгое время стало спокойно.

Смогли бы вы простить ему то, что он всё это время наблюдал за вами?

Вера была уверена, что знает ответ.

Пока одна ночь не разрушила всё, во что она верила.

****«После 23:00»**** — психологический роман с элементами романтического триллера о доверии, личных границах и любви, которая не вписывается в привычные представления о добре и зле.

Иногда самые страшные вопросы не имеют правильного ответа.

Аида Холл

После 23-00

Книга 1 - После 23:00

Глава 1

В ту ночь, когда Вера впервые попросила Ночного_Гостя не исчезать, в её комнате уже работала камера.

Она узнает об этом не сразу. Сначала будут лекарства, тёплые носки, странные совпадения, его спокойное “я здесь” и стыдная слабость от того, что кто-то наконец заметил её холодные руки, пустой желудок и усталость, которую она годами прятала даже от самой себя.

Сначала ей будет казаться, что самое опасное в этом человеке — его внимание.

Позже она поймёт: внимание было только дверью.

После одиннадцати вечера город становился честнее.

Днём он ещё умел притворяться живым: гремел маршрутками, ругался в очередях, пах кофе из пластиковых стаканчиков и мокрым асфальтом у остановок. Люди спешили так уверенно, будто у каждого впереди было место, где его ждут. Но после двадцати трёх всё это осыпалось. В окнах оставались отдельные жёлтые квадраты света, подъезды выдыхали холодом, редкие машины скользили по дворам почти бесшумно, и становилось ясно: большинство людей просто воз-

вращаются туда, где можно наконец снять лицо.

Вера Лебедева сидела на кухне в старом растянутом свитере и смотрела, как чай в кружке медленно темнеет. Пакетик давно нужно было вынуть, но она всё откладывала это простое движение, потому что даже оно казалось лишним.

В комнате за стеной спала мать. Нина Павловна дышала тяжело, с короткими хриплыми паузами, от которых Вера каждый раз непроизвольно прислушивалась. Эти паузы давно стали для неё отдельным языком: после одной нужно было встать и проверить, после другой можно ещё посидеть. По дыханию было слышно, подействовали ли таблетки, отступила ли боль по-настоящему или только сделала вид. А утром всё равно придётся звонить врачу, хотя врач снова скажет то же самое: наблюдайте, берегите, не перегружайте.

Берегите.

Это слово давно стало для Веры чем-то вроде насмешки. Все вокруг просили её беречь кого-то. Мать. Собаку. Нервы абонентов на линии. Чужие браки, чужие панические атаки, чужие ночные обрывы, когда человек на другом конце провода молчит так долго, что оператор начинает считать секунды и молиться, чтобы он просто плакал, а не делал что-то непоправимое.

Только её саму беречь было некому.

Под столом тяжело вздохнул Туман. Старый пёс положил морду ей на ступню, и Вера машинально пошевелила пальцами, чтобы он почувствовал: она здесь.

В подъездном чате всплыло уведомление от Марины Сергеевны с третьего этажа: “Опять чёрная машина у тополя. Если к кому-то приехали, скажите, а то я сейчас участкового достану из принципа”.

Вера скользнула взглядом по сообщению и закрыла чат, не ответив. В доме всегда кто-то ругался из-за парковки, курьеров, чужих собак и подростков у лавочки, поэтому чужая машина показалась ей обычной подъездной раздражительностью, ещё одной мелочью в ночи, где и без того хватало усталости.

Позже она вспомнит это уведомление с неприятной ясностью: иногда внешний мир видит угрозу раньше, чем человек, в чью жизнь она уже вошла.

— Я тоже устала, — тихо сказала она.

Туман приоткрыл один глаз, посмотрел на неё с мудрым собачьим сомнением и снова закрыл.

Телефон лежал рядом с кружкой экраном вниз.

Вера честно пыталась не смотреть на него. Почти десять минут пыталась. За эти десять минут она успела проверить дыхание матери, налить чай, открыть сменный график службы, закрыть его, снова открыть, прочитать одно и то же сообщение от старшей смены и ничего не понять. Всё внутри неё тянулось к маленькому чёрному прямоугольнику на столе с такой стыдной, подростковой надеждой, что Вере хотелось разозлиться на себя.

Она была взрослой женщиной. Ей тридцать пять. Она

бывшая медсестра, человек, который видел кровь, смерть, роды, истерики родственников в коридорах и врачей, засыпающих стоя у автомата с кофе. Она умела не разваливаться там, где другие начинали кричать.

И при этом последние месяцы её настроение зависело от человека, которого она ни разу не видела.

Сообщение пришло от ника в чате — Ночной_Гость, нелепого, неловкого, почти унижительного своей важностью, потому что взрослой женщине вроде Веры не полагалось ждать чужого слова так, будто от него зависит температура в комнате.

Телефон коротко завибрировал, и вместе с этим слабым звуком в кухню снова вошло то опасное тепло, которому она каждый раз обещала не поддаваться.

Вера вздрогнула так резко, что чай плеснулся на край блюда. Туман поднял голову. Из комнаты матери ничего не донеслось, и только тогда Вера позволила себе перевернуть телефон.

Ночной_Гость: Ты сегодня опять забыла поесть.

Она смотрела на сообщение несколько секунд. Потом медленно выдохнула, чувствуя, как одновременно поднимаются раздражение и то болезненное тепло, которого она ждала весь вечер.

Вера: Откуда ты знаешь?

Ответ пришёл почти сразу.

Ночной_Гость: Ты злишься на мир мягче, когда сытая.

Она невольно улыбнулась. Совсем чуть-чуть, краешком губ, но всё равно улыбнулась. И тут же разозлилась ещё сильнее, потому что улыбка была настоящей.

Вера: Это звучит как диагноз.

Ночной_Гость: Нет. Как наблюдение.

Само слово ударило неприятнее, чем должно было: наблюдение прозвучало не как заботливая внимательность, а как холодный край чужого взгляда, который уже успел лечь на её кухню, на кружку, на руки и на всё то, что Вера привыкла считать только своим.

В нём было что-то слишком точное, слишком близкое к тому смутному беспокойству, которое Вера уже несколько раз отгоняла от себя. Иногда Ночной_Гость знал вещи, которые можно было объяснить внимательностью. Иногда — вещи, которые объяснялись только чудом или тем, что она сама слишком много рассказывала в ночных переписках, когда усталость снимала с языка все замки.

Но иногда он попадал в такие детали, о которых она не помнила, чтобы говорила.

Например, про еду.

Например, про то, что мать сегодня почти не спала.

Например, про Тумана, который утром прихрамывал сильнее обычного.

Вера положила ладонь на голову пса.

— Мы же никому не жаловались, да?

Туман только моргнул.

Телефон снова ожил.

Ночной_Гость: Не пугайся. Я не хотел сделать странно.

Вера медленно провела пальцем по краю кружки.

Ночной_Гость: Иними резинку с запястья. Она уже оставила след.

Вера не сразу поняла, о чём он. Потом опустила взгляд и увидела тонкую чёрную резинку, которую накрутила на левое запястье ещё днём, когда собирала волосы перед уборкой. Под ней кожа действительно покраснела узкой злой полосой, и эта маленькая бытовая подробность ударила сильнее лекарств, носков и еды вместе взятых, потому что про неё нельзя было догадаться по паузе в переписке.

Она сняла резинку и положила её на стол так аккуратно, словно это была улика.

Потом взяла телефон, открыла ящик с полотенцами, сунула его вглубь между кухонными салфетками и закрыла ящик бедром. Получилось глупо, почти детски, но Вера вдруг не выдержала того, что маленький чёрный прямоугольник лежит на столе как человек, который слишком спокойно смотрит ей на руки.

Через сорок секунд она достала телефон обратно не потому, что успокоилась, а потому что без его света рядом стало хуже, словно вместе с экраном из кухни исчез не человек даже, а последняя тонкая нитка, удерживающая её от ночной пустоты.

Поздно, подумала Вера, чувствуя, как это признание

неприятно садится под рёбрами.

Странно уже было. Странно было ждать его сообщений. Странно было ловить себя на том, что после тяжёлого звонка на линии она хочет написать не подруге, не бывшему, не врачу матери, а ему. Человеку без лица, без голоса, без биографии. Человеку, который появлялся после одиннадцати вечера и говорил с ней так, будто видел не оператора, не сиделку, не удобную сильную женщину, которую можно поставить к любой чужой боли.

А её — просто Веру, без должности, без роли удобной дочери, без привычного “ты справишься”, которым люди так легко освобождали себя от необходимости видеть её настоящую.

Вера: У тебя плохо получается не делать странно.

Ночной_Гость: Знаю.

Ночной_Гость: Но я стараюсь.

Она не успела ответить. Из комнаты матери донёсся слабый стон.

Вера сразу поднялась. Усталость исчезла из тела так быстро, будто её и не было. Осталась только привычная собранность, сухая и точная. Она прошла в комнату, поправила подушку, проверила пульс, дала воды, дождалась, пока мать снова закроет глаза. Нина Павловна была лёгкая, почти прозрачная под одеялом, и от этого Вере каждый раз становилось страшно: человек, который когда-то казался целым миром, теперь помещался между подушкой и краем кровати.

— Ты работаешь сегодня? — спросила мать, не открывая глаз.

— Через час смена.

— Опять ночь.

— Мам, у меня все смены ночные.

— Ты себя так угробишь.

Вера улыбнулась без веселья.

— Я крепкая.

Мать ничего не ответила. Только её пальцы на секунду сжали Верину ладонь, слабо, почти виновато.

Когда Вера вернулась на кухню, экран телефона ещё светился.

Ночной_Гость: Маме хуже?

Она остановилась в дверях.

Холод прошёл по коже так медленно, что Вера сначала даже не поняла, почему перестала дышать.

Вера: Почему ты так решил?

Пауза длилась дольше обычного.

Ночной_Гость: Ты не отвечала семь минут.

Вера: И?

Ночной_Гость: Обычно, когда ты не отвечаешь так резко, значит, кто-то позвал тебя из комнаты.

Вера прочитала сообщение один раз. Потом второй.

Объяснение было логичным. Почти безупречным. И именно поэтому стало ещё тревожнее.

Она хотела написать что-нибудь резкое. Спросить, не

слишком ли он внимательно считает её минуты. Потребовать, чтобы он перестал говорить так, будто живёт где-то на краю её кухни, между чайником и выключателем.

Но вместо этого пальцы вывели совсем другое.

Вера: Ей больно. Но сейчас лучше.

Ответ пришёл не сразу.

Ночной_Гость: У тебя есть обезболивающее на ночь?

Вера закрыла глаза, потому что именно так он и делал каждый раз: не ломился в её жизнь грубо, не требовал ответа, а попадал в самую маленькую, самую бытовую боль так точно, что сопротивляться становилось почти стыдно.

Сначала пугал. Потом заботился. Сначала подходил слишком близко, потом укрывал этим самым близким расстоянием так бережно, что Вера уже не знала, от чего у неё дрожат руки: от страха или от желания наконец позволить кому-то быть рядом.

Вера: Есть.

Ночной_Гость: Проверь срок годности.

— Господи, — прошептала она и всё-таки пошла к аптечке.

Срок годности истёк два месяца назад.

Вера стояла перед открытым шкафчиком, держа коробку в руке, и чувствовала себя так, будто её поймали на чём-то стыдном. Не потому, что он оказался прав. А потому, что где-то глубоко внутри ей стало легче от того, что кто-то заметил даже это.

Телефон завибрировал снова.

Ночной_Гость: Я заказал доставку. Курьер будет через двадцать минут.

Вера: Ты нормальный вообще?

Почти минута тишины.

Ночной_Гость: Нет.

И следом:

Ночной_Гость: Но ты и так это знаешь.

Вера смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

За окном поздний город светился редкими окнами. В комнате дышала мать. Под столом тяжело переступал лапами Туман. Через час ей нужно было подключиться к линии и говорить с чужими людьми спокойным голосом, будто в её собственной жизни всё было надёжно, понятно и правильно.

А в телефоне ждал человек, который слишком много знал.

И слишком точно попадал туда, где Вера давно перестала ждать чьих-либо рук.

Она набрала сообщение и долго смотрела на него, не отправляя.

Вера: Не исчезай сегодня.

Потом всё-таки нажала отправить.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Ночной_Гость: Я здесь.

Вера положила телефон рядом с кружкой и впервые за вечер позволила себе не держать лицо.

Она просто сидела на кухне после двадцати трёх ноль-ноль и понимала, что боится этого человека почти так же сильно, как ждёт.

Курьер приехал через девятнадцать минут.

Вера не хотела открывать. Стояла в прихожей босиком, в старом свитере, с волосами, наскоро собранными в узел, и слушала, как за дверью шуршит пакет. В подъезде кто-то спускался по лестнице, кашлянул, хлопнула соседская дверь. Всё было обычным. До обидного обычным. Лекарство не могло выглядеть как вторжение, если его привозил усталый парень в красной куртке и спрашивал только код из сообщения.

Она расписалась чужой ручкой, забрала пакет и закрыла дверь.

Внутри лежали таблетки, мягкий корм для Тумана, бутылка воды без газа для матери и маленькая упаковка крекеров. Самых простых. Таких, которые Вера покупала себе в больничном буфете, когда дежурила ещё медсестрой и ела стоя у окна, не чувствуя вкуса.

На упаковке была наклеена строка заказа: “Для Веры”, и эти два слова вдруг оказались тяжелее любого имени отправителя.

Не для клиента, не для получателя, не для абстрактного адреса в курьерской базе, а именно для неё — для женщины, которая уже забыла, как это бывает, когда кто-то заботится не о функции, которую она выполняет, а о человеке под этой

функцией.

— Вот же ненормальный, — сказала она вслух.

Туман подошёл, понюхал пакет и сел рядом, как свидетель.

Телефон снова завибрировал.

Ночной_Гость: Надень носки.

Вера медленно подняла взгляд от экрана к своим босым ступням на холодном линолеуме.

Квартира на секунду стала слишком тесной.

Она машинально посмотрела в сторону окна. Тёмное стекло отражало кухню: лампу над столом, её бледное лицо, пакет в руках, Тумана у ног. Ничего больше. Никого. Только её собственная жизнь, вдруг превращённая в кадр.

Вера: Ты сейчас где?

Ответ пришёл не сразу. За эти несколько секунд она успела представить всё: машину у подъезда, человека на лестнице, камеру в окне напротив, чужие глаза в тёмном прямоугольнике экрана. И, что было хуже всего, успела почувствовать не только страх.

Под рёбрами сжалось стыдно и тепло одновременно, и это было хуже испуга: кто-то не просто увидел её усталость, не просто угадал про ужин или лекарства, а заметил даже холодные ноги — ту мелочь, которую сама Вера давно перестала считать достойной внимания.

Ночной_Гость: Далеко.

Вера: Врёшь?

Ночной_Гость: Не так, как ты думаешь.

Она закрыла глаза.

У него была ужасная привычка отвечать так, что любой ответ становился новой дверью.

Вера взяла носки с батареи и натянула их медленно, почти зло. Потом всё-таки открыла крекеры, отломил один и сунула в рот. Сухая крошка застряла на языке. Вера запила водой, села обратно и вдруг поняла, что давно не ела по чьей-то просьбе. Не потому, что нужно быть сильной. Не потому, что если она упадёт, мать останется одна. Не потому, что рабочий график требует функционирующего тела.

А потому что человек в телефоне сказал: надень носки, поешь, не исчезай.

Она пыталась убедить себя, что это не нежность, а вторжение, странная форма контроля, опасно замаскированная под заботу.

Но правда была противнее: часть её ненавидела происходящее, а другая часть всё равно не убирала телефон, потому что впервые за долгое время рядом с ней кто-то оставался после двадцати трёх ноль-ноль.

Ночной_Гость: Спасибо.

Вера: За что?

Ночной_Гость: Что послушала.

Она резко отложила крекер.

Вера: Не привыкай.

Ночной_Гость: Поздно.

Одно слово. Пять букв. А у Веры вдруг пересохло во рту так, будто он произнёс его рядом, почти у виска.

Она выключила экран, но ещё долго чувствовала под пальцами тепло телефона.

Она ещё не знала, что в его случае “я здесь” никогда не было просто красивой фразой.

Глава 2

Вера подключилась к линии в двадцать три пятьдесят восемь.

На экране ноутбука открылось привычное рабочее окно: список операторов, статус смены, короткие внутренние сообщения, серый значок гарнитуры в верхнем углу. Система выглядела спокойно, почти стерильно, как будто за каждым входящим звонком не сидел человек, которому в эту минуту могло быть настолько плохо, что он уже не понимал, куда деть собственные руки.

Вера всегда ненавидела эти первые две минуты до начала смены.

До звонков ещё не было чужих голосов, но уже появлялось напряжение. Оно ложилось на плечи заранее, знакомым тяжёлым платком. Нужно было успеть оставить кухню кухней, мать — матерью, Тумана — старым псом под столом, а себя превратить в ровный голос, который выдержит чужую ночь.

Она проверила микрофон.

— Линия два, оператор Лебедева, проверка связи.

В наушниках щёлкнуло.

— Слышу, Вера, — отозвалась старшая смены. — Как ты?

— Рабоче.

— Это не ответ.

— Тогда нормально.

Старшая коротко вздохнула, но спорить не стала. На таких сменах все берегли силы даже на заботу.

Старшую звали Ольга, и она была из тех людей, которые слышали по голосу не только усталость, но и то, как человек пытается эту усталость спрятать. Вера не дружила с ней близко, но знала: если Ольга после смены попросит остаться на пять минут, значит, дело уже не в расписании.

— После смены не убегай сразу, — сказала Ольга. — У нас по тебе два странных совпадения в логах за неделю. Не критично, но я хочу понять, это система шалит или кто-то слишком удачно угадывает твои окна.

Вера почувствовала, как по позвоночнику прошёл холодок, но заставила себя ответить ровно:

— После смены.

В рабочем чате всплыло сообщение от Артёма Грачёва.

Артём: Ночная группа, аккуратно. Сегодня высокий поток после новостей. Если звонок уходит в красную зону — сразу переводите на старшего.

Следом появилось второе, уже личное.

Артём: Вера, ты на месте?

Она посмотрела на строку чуть дольше, чем требовалось.

Артём редко писал ей лично перед сменой. Обычно он появлялся, когда что-то ломалось: график, система, чей-нибудь голос после особенно тяжёлого звонка. Он был из тех руководителей, которые помнили, что операторы не железные, но предпочитали говорить об этом деловым тоном, чтобы никто не подумал, будто это забота.

Вера: На месте.

Артём: Если будет тяжело, бери паузы. Не геройствуй.

Она усмехнулась без веселья.

Вера: Ты всем это написал?

Пауза вышла почти незаметной, но Вера её заметила.

Артём: Тем, кто умеет героизировать до обморока.

Она не ответила. Только подтянула к себе кружку с уже остывшим чаем и посмотрела на дверь комнаты, где спала мать.

Там было тихо.

Туман лежал рядом с кухонным шкафом, положив морду на лапы. После вечерней суеты он снова выглядел уставшим и старым, но уже не хромал так заметно. Курьер действительно приехал через двадцать минут. Привёз лекарство, которое Вера не успела заказать, и ещё маленький пакет мягкого корма для Тумана.

Без записки.

Конечно.

Вера тогда стояла в прихожей с пакетом в руках и несколько секунд не могла решить, что чувствует сильнее: злость

или облегчение.

Теперь телефон лежал экраном вниз возле ноутбука. Она сама положила его так, будто это могло что-то изменить.

В двадцать три пятьдесят девять система издала короткий сигнал.

Первый входящий.

Вера надела вторую чашку наушников, выпрямилась и нажала принять.

— Анонимная линия психологической помощи. Меня зовут Вера. Я вас слушаю.

На другом конце долго молчали.

Она слышала дыхание. Неровное, слишком близкое к микрофону. Где-то на фоне, кажется, шумела вода или работала вытяжка. Женщина не плакала. Иногда это было хуже. Плач хотя бы означал, что человек ещё может выпускать боль наружу.

— Я не знаю, зачем позвонила, — наконец сказала абонентка.

Голос был молодой, но усталый так, будто его долго тёрли о наждачную бумагу.

— Это нормально, — спокойно ответила Вера. — Не обязательно знать заранее. Можно просто начать с того, что сейчас происходит.

Женщина коротко вдохнула.

— Он не отвечает.

Вера не стала сразу уточнять кто. Это слово почти всегда

приходило на линию раньше имени. Он. Она. Муж. Бывший. Мама. Тот, от кого зависел воздух.

— Давно?

— Четыре часа.

— И для вас это необычно?

— Для меня нет, — женщина горько усмехнулась. — Для него очень удобно.

Вера чуть опустила взгляд на блокнот. На первой строке написала: женщина, молчание, зависимость. Рука двигалась сама, профессионально, но внутри уже возникло неприятное узнавание.

— Вы поссорились?

— Нет. То есть да. Не знаю. Он сказал, что я опять всё усложняю. Что я давлю. Что нормальные люди не пишут по десять сообщений подряд, если им не отвечают.

Вера молчала, давая ей место.

— А я правда написала десять, — добавила женщина. — Сначала нормально. Потом спросила, дома ли он. Потом извинилась. Потом разозлилась. Потом опять извинилась. Потом написала, что больше не буду. Потом попросила просто поставить точку, если он хочет расстаться. Потом удалила. Потом снова написала.

Она нервно рассмеялась.

— Господи, я сейчас сама себя слышу и понимаю, как это звучит.

— Как?

— Жалко.

Вера провела ручкой по краю блокнота.

— Я бы сказала иначе.

— Как?

— Звучит так, будто вам очень страшно оставаться в неопределённости.

На том конце стало тише.

Иногда человек звонил, чтобы его остановили. Иногда — чтобы его впервые назвали не сумасшедшим, а напуганным.

— Да, — сказала женщина почти шёпотом. — Страшно.

Вера услышала, как у неё дрогнуло дыхание.

— Когда он молчит, я как будто перестаю существовать.

Понимаете? Это глупо. Я взрослая. У меня работа, квартира, кошка, нормальная жизнь. Но если он не отвечает, у меня всё будто проваливается. Я начинаю думать, что он уже с другой, что я ему надоела, что он сейчас сидит и специально смотрит, как я унижаюсь.

Вера закрыла глаза на одну секунду.

Телефон рядом с ноутбуком оставался перевёрнутым, но ей вдруг стало очень ясно, где он лежит. Как будто вещь могла иметь вес не на столе, а внутри грудной клетки.

— Вы сейчас одна? — спросила она.

— Да.

— Где вы?

— На кухне.

Вера почти улыбнулась, но улыбка вышла такой усталой,

что скорее заболела.

— Что рядом с вами?

— В смысле?

— Назовите три предмета, которые видите.

Женщина помолчала.

— Чашка. Нож. Салфетки.

На слове нож Вера чуть сильнее сжала ручку.

— Нож сейчас нужен для чего-то бытового?

— Я резала лимон. Не думайте. Я не...

Она оборвала фразу сама.

— Хорошо, — мягко сказала Вера. — Тогда давайте сделаем простую вещь. Отодвиньте его от себя. Не потому, что вы обязательно что-то сделаете. А потому, что когда человеку очень больно, рядом должно быть меньше острых предметов. Просто как правило безопасности.

В наушниках послышался стук. Потом шорох.

— Убрала.

— Спасибо.

— Вы говорите так, будто я вам правда что-то должна.

— Нет. Просто вы сейчас сделали одну вещь в свою пользу.

Женщина снова замолчала.

Вера посмотрела на таймер звонка: шесть минут сорок две секунды. Совсем немного. А внутри уже было ощущение, будто она сидит рядом с этой женщиной на другой кухне, в другом конце города, между чашкой и страхом, и держит ру-

кой дверь, которую та пытается открыть в темноту.

— Как вас можно называть? — спросила Вера.

— Лена.

— Лена, вы говорите, что когда он молчит, вы перестаёте существовать. А до него это с вами бывало?

Женщина долго не отвечала.

— С мамой, — сказала наконец.

Вера тихо выдохнула.

Вот так обычно и начиналось настоящее. Не с мужчины, который не отвечает. Не с десяти сообщений. Не с унижения. А с того первого человека, рядом с которым ребёнок когда-то понял: если тебя не видят, значит, тебя нет.

— Она могла не разговаривать со мной неделями, — продолжила Лена. — Если я делала что-то не так. Просто ходила мимо. Готовила себе чай. Смотрела телевизор. А я всё пыталась угадать, что нужно исправить.

Вера смотрела на свои пальцы. На левом большом остался бледный след от ручки — она сжимала её слишком крепко.

— И сейчас, когда он молчит, вы снова пытаетесь угадать?

— Да.

— Что именно?

— Как стать такой, чтобы он ответил.

От этой фразы в кухне стало холоднее — не от окна, не от ночи за стеклом, а от внезапного ощущения, что чужая точность проходит слишком близко к тем местам, где Вера обычно держала себя закрытой даже от самой себя.

Потому что Вера слишком хорошо знала этот внутренний жест: стать удобнее, тише, легче, веселее, сильнее, слабее — какой угодно, только бы тебя снова выбрали.

Телефон на столе коротко засветился.

Она не посмотрела.

Экран погас.

— Лена, давайте сейчас не будем решать, что делать с ним, — сказала Вера. — Не ночью. Ночью мозг часто врёт громче, чем днём. Давайте решим, что делать с вами в ближайшие десять минут.

— А если он напишет?

— Тогда вы не обязаны отвечать сразу.

— Обязана.

— Почему?

— Потому что если я не отвечу, он подумает, что я играю.

— А если вы ответите сразу?

Лена тихо всхлипнула.

— Он подумает, что я опять сижу и жду.

Вера прикрыла глаза.

Ловушка была идеальной. Такие ловушки всегда выглядели как выбор, пока не произнесёшь их вслух.

— Значит, сейчас любое ваше действие будет казаться неправильным, — сказала она. — Поэтому нам нужно выбрать не правильное для него. А безопасное для вас.

— Я не знаю, как.

— Начнём с тела. Поставьте ноги на пол.

— Стоят.

— Почувствуйте пятки.

— Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы со мной как с ребёнком?

Вера впервые за разговор позволила себе чуть изменить тон.

— Потому что взрослые люди тоже иногда проваливаются в состояние, где им нужно сначала вернуться в тело, а уже потом принимать решения.

Лена замолчала.

— Пятки на полу, — повторила она через несколько секунд уже тише.

— Хорошо. Теперь назовите своё имя.

— Лена.

— Возраст.

— Тридцать два.

— Где вы сейчас?

— Дома. На кухне.

— Что вы сделали в свою пользу за последние пять минут?

— Убрала нож.

— Ещё?

— Позвонила вам.

— Ещё?

Пауза.

— Не написала ему одиннадцатое сообщение.

Вера почувствовала, как у неё самой немного отпустило плечи.

— Вот это уже три вещи, — сказала она.

Лена заплакала не сразу. Сначала у неё просто сбилось дыхание, потом в трубке появились короткие, злые всхлипы — не красивые, не киношные, а настоящие, почти стыдные. Вера слушала и не торопила. Слезы были лучше молчания. Слезы означали, что напряжение нашло выход не через действие.

На экране в углу мигнуло служебное уведомление.

Артём: Линия 2, всё нормально? Долго держишь высокий риск.

Вера быстро напечатала одной рукой:

Вера: Удерживаю. Без перевода.

Артём: Если нужен старший — сразу.

Вера: Знаю.

Она стерла последнее слово и написала иначе:

Вера: Приняла.

Почему-то сегодня любое “знаю” звучало слишком лично.

— Вы ещё здесь? — испуганно спросила Лена.

— Здесь.

— Вы замолчали.

— Я писала старшей смены, что остаюсь с вами на линии.

— Не бросайте, пожалуйста.

Вера опустила взгляд на телефон.

Он снова светился.

Она не видела текста сообщения, только слабое отражение экрана на столешнице. Но внутри всё равно что-то болезненно откликнулось, будто её позвали по имени.

— Я не бросаю, — сказала она Лене. — Мы договоримся, что вы сделаете после звонка.

— А если я опять сорвусь?

— Тогда вы не будете называть себя ничтожеством. Срыв — это не характеристика личности. Это сигнал, что вам плохо и что старые способы справляться уже не работают.

— Вы так спокойно говорите.

Вера посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Лицо было бледным, губы сухими, под глазами тени. Спокойной она не выглядела. Но голос держался.

— Это работа.

— А вы сами так умеете?

Вопрос попал слишком точно.

Вера могла бы ответить профессионально. Сказать, что сейчас они говорят не о ней. Вернуть разговор в безопасное русло, как учили на супервизиях. Но Лена спросила не из любопытства. Она спросила из того места, где человеку нужно знать, что на другом конце не автомат с правильными фразами.

— Не всегда, — сказала Вера.

— И что вы делаете?

Она почти рассмеялась.

Пишу человеку, который знает обо мне слишком много.

Жду его сообщений. Злюсь, когда он молчит. Пугаюсь, когда он отвечает.

— Ищу то, что поможет пережить ближайшие десять минут, — ответила она.

Лена долго молчала, потом сказала:

— Это звучит честно.

— Это и есть честно.

Следующие пятнадцать минут они составляли план, почти смешной в своей простоте: убрать телефон в другую комнату на зарядку, налить воды, не открывать переписку до утра, написать подруге одно короткое сообщение без объяснений, лечь не в кровать, где легче провалиться в ожидание, а на диван под плед. Если станет хуже — перезвонить на линию.

Вера не говорила ей “оставьте его”. Не имела права. Да и знала: такие слова ночью редко спасают. Иногда они только заставляют человека защищать свою боль, как последнюю собственность.

Она помогала Лене не уйти туда, где страх становится действием.

Когда звонок закончился, на таймере было сорок две минуты.

— Спасибо, — сказала Лена в конце уже почти обычным голосом. — Я не знаю, помогло ли.

— Сейчас вы живы, дома, без одиннадцатого сообщения и с планом до утра, — сказала Вера. — На эту ночь этого

достаточно.

Лена тихо выдохнула.

— А вам кто-нибудь так говорит?

Вера не ответила сразу.

— Сегодня вы мне сказали, — произнесла она наконец.

После отбоя в наушниках стало пусто.

Не тихо, а именно пусто — как в комнате, из которой только что вынесли чужую боль, но запах её ещё остался. Вера сняла гарнитуру и несколько секунд сидела неподвижно. Потом открыла карточку звонка, поставила отметки, написала короткое резюме без лишних деталей: тревожная привязанность, страх оставления, стабилизация, план безопасности до утра, повторный звонок при ухудшении.

Слова получились сухими и правильными, такими, какие должна писать ночная операторша психологической службы, если хочет удержать ситуацию, а не себя внутри неё.

Но они никак не объясняли, почему у неё самой дрожали пальцы, и поэтому Вера всё-таки перевернула телефон экраном вверх.

Ночной_Гость: Ты хорошо её удержала.

Вера почувствовала, как в груди резко стало тесно.

Она посмотрела на ноутбук, на рабочую систему, на закрытую карточку звонка. Потом на телефон. Потом на дверь комнаты матери.

Нет, этого он знать не мог — не из переписки, не из смены, не из той тонкой игры в внимательность, которую Вера ещё

пыталась объяснять усталостью и совпадениями.

Она медленно набрала:

Вера: Кого?

Ответ пришёл не сразу.

Ночной_Гость: Женщину, которая боялась, что её бросят.

Вера застыла.

Кухня вдруг стала слишком видимой: кружка у правой руки, блокнот, ручка с отпечатком пальцев, провод гарнитуры, тёмное окно, старый пёс у шкафа. Она почувствовала себя не человеком в собственной квартире, а фигурой в кадре, которую кто-то слишком долго держит в фокусе.

Вера: Ты не мог это слышать.

Пауза.

Ночной_Гость: Не слышал.

От этого стало хуже.

Вера медленно отодвинула от себя телефон, но не убрала взгляд от экрана.

Ночной_Гость: Ты держишь левое запястье, когда тебе нужно не заплакать.

Она только сейчас поняла, что действительно сжимает пальцами левую руку.

Сжала сильно, почти до боли, и только когда разжала ладонь, увидела на коже белёсые следы от собственных пальцев.

На линии уже мигал следующий входящий, возвращая её

туда, где чужую боль нужно было принимать ровным голо-
сом, даже если собственная только что стала слишком гром-
кой.

А в телефоне, под последним сообщением, горела малень-
кая точка: он всё ещё был здесь.

Следующий звонок сорвался через восемь минут.

Женщина на линии сначала молчала. Вера слышала толь-
ко её дыхание: частое, влажное, с надломом, будто чело-
век бежал по лестнице и остановился на площадке, не зная,
вверх идти или вниз.

— Я не хочу домой, — наконец сказала она. — Но если
не вернусь, он решит, что я его бросила.

Вера закрыла глаза на одну секунду.

Такие звонки всегда входили под кожу без спроса. Не по-
тому, что были самыми громкими. Наоборот. В них почти
никогда не кричали. В них просили разрешения дышать.

— Вы сейчас в безопасном месте? — спросила Вера.

— Не знаю. В подъезде. У соседки нельзя, она его боит-
ся. У мамы нельзя, она скажет терпеть. В полицию нельзя,
потому что он потом... — женщина осеклась. — Он же не
всегда такой. Он просто боится.

Вера посмотрела на телефон рядом с ноутбуком.

Экран потух, но она всё равно знала: точка там есть.

— Его страх не даёт ему права делать вам больно, — про-
изнесла она ровно.

Фраза была профессиональной. Правильной. Отработан-

ной на супервизиях и учебных звонках.

И всё равно ударила по ней самой.

Женщина всхлипнула.

— А если он правда любит?

Вера провела большим пальцем по запястью. Поймала себя на этом движении и заставила руку лечь на стол.

— Любовь не должна превращать вашу жизнь в комнату без двери.

Она говорила ещё двадцать минут: спрашивала адрес, мягко возвращала к действиям, предлагала варианты, держала паузы, когда женщина пыталась оправдать чужой контроль усталостью, ревностью, детской травмой, плохим днём. Вера знала все эти объяснения. Они приходили в разных голосах, но пахли одинаково: страхом, который наряжали в заботу.

Когда звонок закончился, Вера сняла гарнитуру и на секунду наклонилась вперёд, упираясь ладонями в край стола.

Она была мокрая от напряжения. Тонкая футболка липла к спине, в комнате стало душно, хотя окно было приоткрыто. Туман поднялся и подошёл, ткнулся носом ей в бедро.

— Я в порядке, — сказала она псу.

Телефон мигнул.

Ночной_Гость: Нет.

Вера засмеялась без звука.

Вера: Не начинай.

Ночной_Гость: Я не буду говорить, что знаю лучше тебя.

Вера: Уже прогресс.

Ночной_Гость: Но ты сейчас дышишь так, будто держишься за край.

Она медленно повернула голову к тёмному окну.

Где-то там, за стеклом и этажами, был город. Люди, чужие окна, машины, антенны, камеры над подъездами, отражения в витринах. Слишком много способов увидеть человека, если очень захотеть.

Вера: Ты меня пугаешь.

Ответ пришёл не сразу.

Ночной_Гость: Я знаю.

Вера: И?

Ночной_Гость: Я всё равно хочу быть тем, кому ты напишешь после такого звонка.

Она перечитала фразу несколько раз.

В ней не было просьбы о прощении. Не было оправдания. Только голое желание занять место, которое никто ему не давал.

И почему-то от этого желания ей стало жарко, хотя окно было приоткрыто, а на полу тянуло холодом. Не красиво, не нежно, не так, как в нормальных историях, где мужчина сначала приносит цветы, потом ведёт в ресторан и только потом получает право быть в чьей-то ночи. Здесь всё было наоборот: сначала чужая ночь, чужая боль, её дрожащие пальцы, его слишком точное внимание, а уже потом — мысль о том, что где-то у этого ника есть плечи, рот, руки и голос, кото-

рый мог бы сказать то же самое не с экрана.

Вера прекрасно понимала, что это плохой знак.

Понимала — и всё равно на секунду захотела проверить, как звучит его “я здесь” без букв.

Она встала так резко, что стул задел ножку стола. В ванной включила холодную воду, плеснула на лицо и несколько секунд смотрела на себя в зеркало, где лампа над раковиной безжалостно показывала всё, что она обычно прятала от дневных людей: красные глаза после звонков, сухие губы, отпечаток гарнитуры у виска и ту самую левую руку, которую она снова держала пальцами, будто могла сама себя удержать на месте.

— Ты взрослая женщина, — сказала она отражению. — Ты не обязана дрожать из-за ника.

Отражение выглядело так, словно не поверило ни одному слову.

Когда Вера вернулась на кухню, телефон лежал экраном вверх. Сообщение никуда не делось, но теперь оно казалось не строкой, а приглашением, которое нельзя принять и невозможно не перечитать.

Вера должна была написать: “Нет”.

Вместо этого она положила телефон экраном вниз, чтобы не видеть, как сильно дрожат её пальцы.

Через минуту она снова перевернула его обратно.

Глава 3

Год назад Туман почти умер в дождь.

Вера потом много раз прокручивала этот вечер, пытаясь понять, с какого именно момента всё пошло не так. Дождь начался внезапно, тяжёлый, косой, с холодными каплями, которые били по лицу так, будто город тоже был раздражён. Туман всегда не любил резкие звуки, а тогда где-то рядом хлопнула крышка мусорного контейнера, потом визгнули тормоза, и старый пёс, обычно медленный и послушный, вдруг рванул с поводка.

— Туман!

Она крикнула слишком поздно.

Пёс вылетел на проезжую часть, скользя лапами по мокрому асфальту. Машина шла не быстро, но достаточно, чтобы Вера за одно мгновение успела увидеть весь ужас целиком: фары, серую шерсть, собственные руки, которые не успевали ни за что схватиться.

Мир сжался до короткого визга тормозов.

А потом из темноты шагнул мужчина.

Он появился так резко, будто всё это время стоял рядом и ждал именно этого движения. Схватил Тумана за шлейку, дёрнул на себя, почти упал коленом в грязную воду у бордюра. Машина остановилась в полуметре. Водитель высунулся из окна и начал кричать, но Вера слышала только собственное дыхание.

Пёс скулил. Живой.

Мужчина держал его крепко, обеими руками, прижимая к

себе так, как прижимают не чужое животное, а что-то слишком важное. На рукаве дорогого тёмного пальто расплзлось мокрое пятно. На ладони была содрана кожа.

— Он цел? — спросила Вера.

Голос не слушался. Получилось почти детское.

Мужчина поднял на неё глаза.

Глаза у него были серые, спокойные и непривычно внимательные — не равнодушные, не испуганные, а такие, будто он успел заметить не только собаку под машиной, но и то, как у Веры от ужаса сорвался голос.

— Сейчас посмотрим. Не тяните его сразу, он испугался.

Он говорил тихо, но так уверенно, что Вера послушалась. Опустилась рядом прямо на мокрый асфальт, не думая о джинсах, о сумке, о людях, которые смотрели. Туман дрожал между ними, тяжело дышал и пытался спрятать морду ей под ладонь.

— Тише, мой хороший, тише, — шептала она. — Я здесь.

Мужчина на секунду посмотрел не на пса, а на неё.

Тогда Вера не придавала этому значения.

Только позже, когда память начнёт возвращать ей этот вечер по кускам, она вспомнит: спокойствие у него было не пустым. Под ним что-то дрогнуло, быстро спрятанное, почти мальчишеское. Он смотрел на неё так, словно не просто спас пса, а впервые за долгое время сделал что-то, после чего мир на секунду не стал хуже.

— Ветеринарка в двух кварталах, — сказал он. — Я от-

везу.

— Нет, не нужно, я сама...

Она попыталась подняться, но ноги подвели. Шок отступал не сразу, а волнами: первая волна спасения, потом вторая, холодная, от которой начинало трясти.

Мужчина заметил это раньше, чем она сама.

— Вы сейчас не поведёте, — сказал он без нажима. — И не понесёте его одна.

— Я вас не знаю.

— Знаю.

Он помолчал, будто понял, как это прозвучало, и поправился:

— Я понимаю. Но сейчас важнее пёс.

С этим спорить было невозможно.

В машине пахло кожей, дождём и чем-то чистым, почти больничным. Туман лежал на заднем сиденье на её куртке, Вера сидела рядом, держа его за шлейку, а мужчина вёл так аккуратно, что она впервые за вечер позволила себе вдохнуть. Он не задавал лишних вопросов. Только спросил имя собаки, возраст и есть ли аллергии на препараты.

— Туман, — сказала она.

— Хорошее имя.

— Он был щенком цвета мокрого тумана.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Значит, ему повезло с человеком.

И почему-то именно после этой фразы Вера заплакала.

Не громко. Просто слёзы пошли сами, быстрые и злые. Она отвернулась к окну, стыдясь, что плачет при незнакомце, но он не стал делать вид, что не заметил, и не начал утешать. Просто включил поворотник, остановился у ветеринарной клиники и сказал:

— Сейчас его посмотрят. Вы успели.

Хотя на самом деле успел он.

Позже, когда врач сказал, что переломов нет, только сильный ушиб и стресс, Вера вышла в коридор и увидела мужчину у автомата с кофе. Он стоял чуть в стороне, всё в том же мокром пальто, с обработанной ладонью и странно неподвижным лицом.

— Спасибо, — сказала она.

Он посмотрел на неё так, будто это слово оказалось для него неожиданным.

— Не за что.

— Нет. За что.

Вера тогда шагнула ближе и сжала его руку выше повязки, осторожно, чтобы не задеть рану. Она была ещё в шоке, ещё слишком открытая, ещё не успела вернуть себе привычную броню. И потому посмотрела на него тепло. По-настоящему.

— Вы спасли моего пса.

Мужчина ничего не ответил.

Только кивнул.

Но Вера почувствовала, как под её пальцами напряглась его рука. Не от боли — боль он, кажется, вообще отложил ку-

да-то в сторону. От её прикосновения. От того, что она смотрела на него без недоверия, без просьбы отойти, без привычного городского “не трогайте меня”.

Его лицо осталось сдержанным, почти вежливым, а вот дыхание сбилось. Совсем немного. Достаточно, чтобы Вера потом могла бы понять, если бы тогда умела смотреть не только на чужие раны.

— Марк, — сказал он через несколько секунд. — Если вдруг понадобится помощь с врачом или лекарствами.

Он дал ей визитку.

Вера сунула её в карман, поблагодарила ещё раз и почти сразу забыла фамилию, потому что ночь потом ушла в лекарства, звонки матери, мокрые вещи и Тумана, который всю дорогу домой прижимался к её ноге.

А сейчас, спустя год, она стояла у кухонного шкафа и держала в руках ту самую старую куртку. В кармане что-то жёстко упёрлось в пальцы.

Визитка лежала на ладони белая, плотная, почти не помятая, и Вера почему-то смотрела на неё дольше, чем требовалось для простой бумажки с контактами.

Марк Соколов. Цифровая безопасность. Системы наблюдения.

Она перечитала эту строку дважды, а потом очень медленно перевела взгляд на телефон. Ночной_Гость не писал, и эта пауза выглядела почти как ответ.

От неё в квартире стало слышно, как старый пёс дышит

у её ног.

Вера достала визитку полностью.

На обратной стороне обнаружилась маленькая тёмная точка. Сначала она решила, что это грязь или след от мокрого кармана, но потом поняла: там был номер, написанный от руки. Не общий офисный, не тот, что указан на лицевой стороне, а короткая строка с аккуратными цифрами и подписью: “если ночью”.

Она не помнила, чтобы видела её тогда.

Возможно, просто не смотрела.

В тот вечер всё было слишком быстро. Туман хромал, дождь лил за воротник, Марк держал окровавленную ладонь так спокойно, будто чужая боль была важнее собственной. Вера помнила не его лицо целиком, а детали: мокрые ресницы, напряжённую линию рта, тёмную ткань пальто, запах дождя и холодного металла от его часов, когда она случайно задела его руку.

Помнила, как его пальцы на секунду сомкнулись вокруг её запястья.

Не грубо. Не удерживая. Просто чтобы она не шагнула под машину следом за собакой.

Вера тогда даже не испугалась этого касания. Ей было некогда. Она стояла на мокром асфальте, прижимая Тумана к себе, и чувствовала, как чужая ладонь возвращает её в тело. Не туда, где паника, а туда, где есть кожа, холод, дыхание и человек, который оказался рядом раньше всех.

Сейчас это воспоминание обожгло сильнее, чем должно было.

Она положила визитку на стол, но пальцы не сразу отпустили плотную бумагу.

Туман поднял голову.

— Я знаю, — сказала она ему. — Ничего романтического в этом нет.

Пёс посмотрел так, будто у него были сомнения.

Вера открыла чат и долго смотрела на последнее молчание Ночного_Гостя.

Она могла спросить прямо.

Не спросила.

Вместо этого набрала номер с обратной стороны визитки и не нажала вызов. Просто смотрела, как цифры выстроились на экране. Чужой телефонный номер выглядел куда опаснее ника. Ник можно было представить как фантазию, как ночной голос, как ошибку усталой женщины, которой слишком долго никто не писал хороших слов.

Номер больше не был просто набором цифр: у него появились руки, голос, серые глаза и та спокойная собранность, с которой мужчина поднимал Тумана с дороги.

Вера стёрла цифры, будто могла стереть вместе с ними это внезапное телесное знание, но через минуту пришло сообщение.

Ночной_Гость: Не звони туда ночью.

Вера перестала дышать.

Пальцы на телефоне похолодели.

Вера: Почему?

Пауза.

Ночной_Гость: Потому что я возьму.

Она смотрела на экран так долго, что буквы стали почти физическими. В них не было угрозы. И именно поэтому они действовали хуже.

Потому что за ником впервые проступил мужчина — не возможный, не придуманный ночной усталостью и одиночеством, а настоящий, с руками, дыханием, прошлой встречей и опасной способностью оказываться рядом подготовленным.

Вера не спала до рассвета, и тишина телефона больше не казалась пустой.

Визитка лежала на столе рядом с телефоном, и между ними словно шёл ток. Бумага и стекло. Прошрое и настоящее. Мужчина под дождём и голос после двадцати трёх. Она пыталась убедить себя, что совпадение ещё возможно, но разум уже устал притворяться.

Она вспомнила ещё одну деталь того вечера.

Когда Марк помог посадить Тумана в такси, он не спросил, куда она поедет. Просто сказал водителю:

— Ветеринарная клиника на Северной, круглосуточная.

Тогда Вера решила, что он просто знает ближайшую клинику, но теперь та фраза вернулась другой стороной: он не просто оказался рядом, он оказался рядом подготовленным.

И, возможно, сама эта подготовленность была не уликкой даже, а моментом, когда она впервые посмотрела на него без защиты и дала ему то тепло, за которое он потом, кажется, так и не смог отпустить её жизнь.

Эта мысль была неприятно интимной. Вера бросила поводок обратно в шкаф, закрыла дверь и перевела взгляд на тёмный экран уже иначе: теперь тишина не прятала Марка, а только делала его присутствие плотнее.

Оно только давало понять, что он где-то на другой стороне своей правды и тоже не спит.

Утром Вера впервые поймала себя на том, что ждёт не сообщения от Ночного_Гостя.

А ответа от Марка Соколова.

И ещё одно воспоминание, совсем крошечное, наконец всплыло из той мокрой ночи: когда она уезжала от ветеринарки на такси, Марк остался у входа, не открывая зонт, хотя дождь уже лил ему за воротник. Он стоял с перевязанной ладонью и смотрел не на машину, а на Тумана через заднее стекло, пока пёс не поднял морду ей на колени.

Тогда Вера решила, что это просто человек, который любит собак.

Теперь ей стало страшно от мысли, что он мог в тот момент уже выбирать не собаку, а жизнь, за которую потом начнёт держаться обеими руками.

Глава 4

Посылка пришла утром, когда Вера спала после смены.

Звонок домофона выдернул её из сна так резко, что несколько секунд она не понимала, где находится. В комнате было светло и чуждо, как всегда после ночной работы. Дневной свет казался грубым, слишком прямым, не оставляющим человеку права быть слабым.

— Доставка, — сказал голос в трубке. — Лебедева Вера?

Она хотела ответить, что ничего не заказывала, но курьер уже назвал её адрес, квартиру и попросил спуститься или открыть подъезд. Вера стояла босиком в прихожей, с тяжёлой головой и пересохшим горлом, пока Туман недовольно фыр-кал у двери.

Коробка оказалась небольшой. Без имени отправителя.

Вера поставила её на кухонный стол и долго не открывала.

После визитки Марка Соколова внутри неё что-то не вернулось на место. Она пыталась убедить себя, что совпадения бывают. Что в городе много людей с камерами, охран-ными системами и вежливыми голосами. Что человек, спас-ший Тумана год назад, не обязан иметь никакого отношения к Ночному_Гостю.

Но посылка лежала перед ней, аккуратная, молчаливая, слишком похожая на ответ.

Ночной_Гость написал первым.

Ночной_Гость: Открой.

Вера не вздрогнула. Слишком устала вздрагивать.

Вера: Это ты?

Ночной_Гость: Да.

Вера: Мы вроде не договаривались, что ты будешь присылать мне вещи.

Ночной_Гость: Я знаю.

Она закрыла глаза.

Вот это его “я знаю” уже начинало бесить.

Внутри оказалась лампа. Маленькая, тёплая, с матовым плафоном и гибкой ножкой. Не дорогая на вид, но очень качественная. Внизу лежала запасная лампочка и короткая инструкция.

Вера не поняла.

Потом вспомнила.

Три недели назад она писала ему после особенно тяжёлой ночи, что мать плохо переносит яркий свет, а ночник сломался. Нина Павловна просила не включать верхний, Вера спотыкалась в темноте о стул, злилась, шептала проклятия и чувствовала себя чудовищем за то, что злится на больного человека.

Она не просила помощи.

Просто написала. Ночью. Почти не думая.

Теперь на столе стояла лампа с мягким янтарным светом, именно такая, какая была нужна.

Туман осторожно ткнулся носом в коробку.

— Не нюхай, — сказала Вера. — Это не тебе.

На дне лежал второй маленький свёрток — новый поводок, простой, крепкий, выбранный с такой пугающей точно-

стью, что Вера села не от усталости, к которой давно привыкла, а потому что колени внезапно перестали держать её так же надёжно, как всегда.

Вера: Нет.

Ночной_Гость: Что нет?

Вера: Это уже не внимательность.

Ответ пришёл не сразу.

Ночной_Гость: Старый поводок перетёрся у карабина.

Вера подняла голову.

Старый поводок висел в прихожей.

Она сама заметила карабин только вчера вечером, когда туман потянулся к подъезду, а металл неприятно щёлкнул. Вера собиралась купить новый. Потом забыла. Потом была смена, звонок Лены, сообщение про запястье, визитка Марка.

Она не писала ему про поводок.

Вера: Откуда ты знаешь?

Ночной_Гость: Ты могла бы заметить это поздно.

Вера: Я спросила не зачем. Я спросила откуда.

Она почти добавила: “Ты был у моего подъезда?” — и стёрла вопрос, потому что сама испугалась его конкретности. Пока подозрение было туманным, с ним ещё можно было жить. Стоило дать ему адрес, время и чужую машину у тополя, как оно становилось не женской тревогой, а маршрутом.

Вера закрыла чат и впервые поймала себя на желании за-

писывать не чувства, а факты. Что именно ему известно. В какой момент информация до него доходит. Где между ними проходит граница, если он раз за разом оказывается по другую сторону раньше, чем она успевает её назвать.

Долгая пауза.

На кухне стало слышно, как в комнате мать кашлянула во сне.

Ночной_Гость: Я не хотел, чтобы он снова сорвался.

Вера перечитала сообщение.

В нём не было ответа. Только страх, замаскированный под заботу.

Она взяла поводок в руки. Мягкий. Удобный. Правильный. Такой, который она сама выбрала бы, если бы у неё хватило времени и сил.

И от этого стало хуже.

— Почему ты не можешь быть просто мудаком? — тихо спросила она в пустую кухню.

Туман поднял уши.

— Не тебе.

Телефон снова ожил.

Ночной_Гость: Потому что тогда тебе было бы легче.

Вера резко положила поводок на стол.

Вера: Ты сейчас очень близко к тому, чтобы я тебя заблокировала.

Ночной_Гость: Знаю.

Вера: И всё равно?

Ночной_Гость: Всё равно.

Вера смотрела на экран и впервые почувствовала не только страх, но и злость такой ясности, что она почти обрадовалась ей. Злость была лучше растерянности. В злости у неё появлялся позвоночник.

Вера: Больше ничего не присылай.

Ночной_Гость: Хорошо.

Вера: И не решай за меня.

Пауза.

Ночной_Гость: Постараюсь.

Она усмехнулась, потому что он снова не сказал удобного “обещаю”, не выдал красивую фразу, за которую можно было бы зацепиться и потом обвинить его во лжи.

“Постараюсь” было честнее и потому неприятнее: в нём звучала не гарантия, а человек, который уже понимал, что может сорваться.

Вера поставила лампу в комнате матери вечером. Нина Павловна проснулась, посмотрела на мягкий тёплый свет и впервые за несколько дней улыбнулась почти без боли.

— Какая хорошая, — сказала она. — Ты купила?

Вера поправила плед на её ногах.

— Да.

Ложь вышла легко. Слишком легко.

Когда она вернулась на кухню, телефон лежал там же.

Ночной_Гость не писал.

И это молчание, против её воли, оказалось тяжелее любо-

го подарка.

Она решила убрать коробку на антресоль и только тогда заметила, что внутри есть второй слой.

Под плотной картонной вставкой лежали ещё три вещи: крем для рук без запаха, мягкие шерстяные носки и небольшая грелка в тканевом чехле. Никакой открытки. Никакого объяснения. Только чек, где всё было оплачено заранее, и аккуратная наклейка с её фамилией.

Вера застыла.

Лампу для матери ещё можно было объяснить. Поводок для Тумана — с натяжкой, но можно. Она сама писала, что старый карабин заедает. Но крем для рук?

Она медленно посмотрела на свои ладони.

Кожа у костяшек потрескалась от воды, антисептика, бесконечной уборки и привычки мыть руки после каждого лекарства, каждого звонка, каждого прикосновения к матери. Вера давно перестала замечать эти трещинки. Тело было инструментом. Инструменты не жалуются.

Ночной_Гость, похоже, считал иначе.

Это должно было быть приятно.

Стало стыдно.

Как будто он увидел её не в красивой слабости, не в слезах у окна, не в драматичной ночной усталости, а в самой бытовой, незащищённой подробности: красные руки, холодные ноги, женщина, которая забывает купить себе крем, потому что у матери заканчиваются таблетки.

Вера положила крем на стол.

Потом взяла.

Открыла крышку.

Нанесла чуть-чуть на кожу и тут же разозлилась на себя за то, что стало легче. Крем впитывался быстро, без липкости. Именно такой, какой она купила бы сама, если бы вспомнила, что у неё есть руки.

Экран оставался пустым.

— Ну конечно, — сказала Вера. — Теперь ты ещё и исчезаешь красиво.

Она открыла чат.

Вера: Ты видел мои руки?

Ответ пришёл через несколько секунд.

Ночной_Гость: Да.

Вера ожидала уклонения. Шутки. “Я внимательный”. “Ты говорила”. Любой двери, за которой можно было бы спрятать правду.

Но он написал просто.

Да.

Вера: Когда?

Ночной_Гость: Когда ты держала поводок.

Она вспомнила ветеринарную клинику, улицу, мокрую скамейку у подъезда, десятки моментов, где её руки могли быть видны кому угодно.

И всё равно не стало спокойнее.

Вера: Не смотри на меня так.

Пауза.

Ночной_Гость: Как?

Она долго искала слово.

Не как мужчина. Не как врач. Не как спасатель. Не как человек, которому можно доверять. Всё было не то.

Вера: Как будто я твоя.

Ответа не было почти пять минут.

Потом экран зажёгся.

Ночной_Гость: Я стараюсь не думать так.

Вера отложила телефон, но внутри уже звенело. Не от страха одного. От того, что он не отрицал.

И от того, что какая-то недостойная, уставшая часть её самой хотела спросить: получается?

Вместо вопроса она пошла в ванную и долго мыла руки.

Крем смывался плохо, потому что уже впитался. Это злило почти до слёз. Его забота оказывалась не только в коробке, не только на столе, не только в телефоне. Она уже была в коже, в облегчении, которое невозможно отменить усилием воли.

Вера смотрела, как вода стекает с пальцев.

В больнице она когда-то привыкла к чужой наготе и чужой боли как к работе. Тело человека там было не загадкой, а задачей: повернуть, обработать, перевязать, укрыть, не дать упасть. Своё тело она с тех пор тоже воспринимала примерно так же. Функция. Инструмент. То, что должно выдерживать.

А Ночной_Гость вдруг обращался с ним как с чем-то до-

стойным внимания.

Холодные ноги, потрескавшиеся руки, непоеденный ужин, сбитое дыхание после тяжёлого звонка — он видел не образ, который Вера показывала людям, а маленькие провалы в её выдержке, и именно это было опаснее любых комплиментов.

Комплимент можно отбросить. Сказать, что мужчина просто хочет понравиться. А точная забота залезала глубже, под броню, туда, где Вера давно жила без свидетелей.

Она вернулась на кухню и написала:

Вера: Мне не нравятся такие подарки.

Ночной_Гость: Какие?

Вера: Которые знают обо мне больше, чем я разрешала.

Пауза.

Ночной_Гость: Я понял.

Вера: Нет. Ты понял головой. А мне нужно, чтобы это дошло до рук.

Ответа не было долго.

Потом:

Ночной_Гость: Не брать, пока не дадут.

Вера прочитала фразу, и дыхание на мгновение застряло в груди: она была слишком простой, слишком телесной и слишком правильной для человека, который уже взял из её жизни больше, чем имел право.

Она не ответила, но телефон выключила не сразу, а крем всё-таки убрала в мусорное ведро — не потому, что ей ста-

ло легче, а потому что хоть какая-то граница должна была остаться материальной.

Пакет с поводком — на антресоль. Носки — в дальний ящик, туда, где лежали старые перчатки, одинокий шарф и вещи, которые не выбрасывают не потому, что нужны, а потому что на них когда-то не хватило сил. Лампу для матери оставить пришлось: Нина Павловна уже спала спокойнее под мягким светом, и Вера ненавидела себя за то, что не могла ненавидеть подарок целиком.

Через два часа, когда кожа на руках снова начала болезненно стягиваться после воды и лекарств, она пошла на кухню за стаканом и остановилась у мусорного ведра.

— Нет, — сказала она себе вслух.

Потом открыла крышку, достала крем, вытерла тюбик бумажным полотенцем и поставила на край раковины.

Это не было прощением.

Это было хуже.

Это было признанием, что его забота уже попала туда, где Вера жила без свидетелей, и теперь даже мусорное ведро не могло сделать вид, что ничего не произошло.

Глава 5

Вера начала искать его не сразу.

Сначала она делала вид, что просто наводит порядок. Перебрала старые чеки, выкинула квитанции, сложила лекарства матери по коробкам, проверила поводок, шлейку, вет-

паспорт Тумана. Потом достала из кармана куртки визитку Марка Соколова и положила рядом с телефоном.

Две вещи на столе смотрели на неё как две версии одной правды.

Визитка была реальной: плотная бумага, номер, сайт, адрес офиса и имя мужчины, чья ладонь однажды пахла дождём, кровью и антисептиком. Ночной_Гость был строками в чате, но эти строки почему-то уже имели вес, запах и опасную температуру чужого присутствия.

Вера очень хотела, чтобы между ними не было связи.

Именно поэтому открыла ноутбук.

Ноутбук загружался медленно, и за эти двадцать секунд Вера успела сделать то, что потом назвала бы глупостью, если бы её спросили днём: достала старый блокнот для смен, провела посередине страницы вертикальную линию и написала слева “он мог знать”, а справа “он не мог знать”.

Рука дрожала не от страха, а от злости, потому что исследование собственной жизни выглядело унижительно, особенно когда в графу “он не мог знать” сразу просились холодные ноги, резинка на запястье, трещины на руках и то, как она держит левую кисть после тяжёлого звонка.

Она выписала даты из переписки, рядом поставила пометки: “мама”, “Туман”, “смена”, “санаторий?”, “Марк?”. Потом взяла красную ручку, которую обычно использовала для срочных лекарств, и обвела первое совпадение.

После этого искать стало уже невозможно назвать любо-

пытством.

В этот момент ей позвонила Надя.

Надя Кравцова когда-то работала с Верой в одном отделении и осталась из тех редких людей, которые не требовали от неё ни героизма, ни объяснений. Она могла написать “кофе?” и не обидеться на молчание. Могла приехать с супом, поругаться из-за бардака на кухне и уйти, не вытягивая из Веры исповедь.

— Ты живая? — спросила Надя вместо приветствия.

— Относительно.

— Значит, плохо. У тебя “относительно” появляется только после ночной смены, чужой истерики или мужчины, который делает из твоей головы фарш.

Вера закрыла глаза. От этого грубоватого, больничного “фарш” вдруг стало почти легче. В мире всё ещё существовали люди, которые знали её не по камере, не по паузам в переписке и не по отчётам Артёма, а по старым дежурствам, дешёвому кофе и тому, как она молчит, когда ей совсем плохо.

— Мужчин в моей голове нет, — сказала Вера.

— Ага. Как и прошлого раза, когда ты три месяца делала вид, что тебе нормально одной после расставания, а потом пришла ко мне с температурой и фразой “Надь, только не читай лекцию”.

Вера поморщилась. Прошлые отношения вспоминались не болью даже, а усталым стыдом: она тогда тоже слишком

долго держалась за человека, который любил её ровно до того места, где начинались больная мать, ночные смены и настоящая ответственность.

— Сейчас не об этом.

— Тогда о чём?

Вера посмотрела на визитку Марка, на блокнот, на красную ручку и впервые за день почувствовала, что расследует не романтическую загадку, а возможное преступление против собственной жизни.

— Если мне понадобится человек, который проверит квартиру на камеры, твой Сергей ещё занимается этим железом?

Надя замолчала.

И эта пауза оказалась самым трезвым ответом.

— Вера, — сказала Надя уже совсем иначе, без привычной грубоватой лёгкости. — Если ты сейчас спрашиваешь про камеры не как бывшая медсестра с тревожной фантазией, а как женщина, которая правда чувствует, что её видят, не тyani.

— Я пока не знаю.

— Тогда тем более не тyani. Сергей вечером свободен. Он не будет задавать лишних вопросов, но если найдёт что-то реальное, это уже не “странный мужчина слишком внимательный”. Это техника, доступы, ответственность и, возможно, полиция.

Слово полиция легло между ними так тяжело, что Вера

впервые по-настоящему испугалась не Марка, а того, какой формы может достичь правда, если перестать называть её ночной перепиской.

Сайт компании Марка оказался строгим и спокойным: белый фон, серые линии, фотографии камер, серверных стоек, аккуратных мужчин в пиджаках. “Цифровая безопасность для частных клиентов и бизнеса”. “Системы видеонаблюдения”. “Контроль доступа”. “Защита периметра”.

Слово контроль встретилось шесть раз на главной странице.

Вера считала автоматически.

Фотография Марка была в разделе “Команда”. Та же сдержанная вежливость в лице, тот же взгляд, который год назад в ветеринарке показался ей просто внимательным. На фото он выглядел старше, чем в памяти, но память вообще была странной вещью: она оставляла не черты, а ощущение.

Ощущение было знакомым.

Туман подошёл к ней и ткнулся носом в колено.

— Я не схожу с ума, — сказала Вера.

Пёс посмотрел без уверенности.

— Спасибо за поддержку.

Она открыла старую переписку с Ночным_Гостем и начала прокручивать вверх. Сначала быстро, потом всё медленнее. Теперь каждое сообщение выглядело иначе.

Она перечитывала старые сообщения, и каждое прежнее “внимание” теперь поворачивалось к ней другой стороной.

“Не иди сегодня через двор у магазина, там лёд” — тогда она решила, что сама жаловалась на гололёд.

“Туман сегодня спокойнее. Значит, боль отпустила” — тогда решила, что писала о лапе.

“Не бери дополнительную смену в четверг. Ты уже на пределе” — тогда разозлилась, но смену всё равно не взяла.

Теперь всё это складывалось не в заботу, а в цепочку улик, и Вера открыла рабочий чат службы уже не как уставшая сотрудница, а как женщина, которая наконец решила проверить собственный страх.

Вера: У нас подрядчики по безопасности кто?

Ответ пришёл не сразу.

Артём: В каком смысле?

Вера: Камеры, доступы, серверы, запись звонков. Кто обслуживает?

Артём: Технический отдел и внешняя компания. Зачем?

Вера смотрела на слово “внешняя” так долго, что буквы начали раздражать.

Вера: Название?

Артём: Ты ночью решила аудит провести?

Вера: Артём.

Пауза.

Артём: “Сокол Секьюр”. Но они не имеют доступа к содержанию звонков, если ты об этом. Только инфраструктура.

Сокол.

Вера откинулась на спинку стула.

Вот и всё.

Или почти всё.

Ночной_Гость написал вечером, когда она уже час сидела с телефоном в руке и не отправляла ни одного сообщения.

Ночной_Гость: Ты сегодня весь день ищешь лицо.

Вера почувствовала, как злость поднимается быстро и горячо.

Вера: А ты весь день делаешь вид, что у тебя его нет.

Пауза была короткой.

Ночной_Гость: Есть.

Вера: Тогда покажи.

Он не ответил.

Она встала, прошлась по кухне, вернулась. Туман поднялся следом, тревожно переступая лапами.

Вера: Ты связан с “Сокол Секьюр”?

На этот раз тишина длилась так долго, что телефон погас.

Вера включила экран снова.

Ночной_Гость: Не делай выводы ночью.

Она рассмеялась.

Коротко, зло.

Вера: Ночью ты мне почему-то пишешь нормально.

Ночной_Гость: Потому что днём ты не отвечаешь так честно.

Она сжала телефон.

Это была правда. И именно поэтому хотелось бросить его

в стену.

На следующее утро Вера повела Тумана к ветеринару на плановый осмотр. Новым поводком пользоваться не хотела принципиально, но старый карабин щёлкнул у подъезда так неприятно, что она всё-таки вернулась и взяла подарок.

В клинике пахло лекарствами и влажной шерстью.

Вера сидела на скамейке, гладила Тумана за ухом и пыталась не думать о Марке Соколове.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина в тёмном пальто.

Не Марк.

Она выдохнула раньше, чем поняла, что задерживала дыхание.

И в ту же секунду испугалась себя.

Потому что ждала.

Не его вообще.

А конкретного человека, которого ещё вчера собиралась ненавидеть.

Осмотр Тумана занял двадцать минут.

Ветеринар долго щупал старые суставы, хвалил пса за терпение, советовал мягкий режим и задавал обычные вопросы, на которые Вера отвечала на автомате. Вес, аппетит, активность, лекарства. Всё привычное. Всё простое. Но она всё равно каждые несколько секунд смотрела на дверь.

Марк не вошёл.

От этого должно было стать легче.

Не стало.

После клиники Вера не пошла домой сразу. Села на лавку возле небольшого сквера, где Туман с достоинством нюхал мокрую землю, и открыла сайт “Сокол Секьюр”. Он был сдержанный, серо-белый, с фотографиями камер, серверных стоек и спокойных людей в офисной одежде. На странице “о компании” Марк Соколов стоял у стеклянной стены, чуть повернувшись к объективу.

Это была плохая фотография для человека, которого нужно забыть.

Слишком спокойная.

Никакой улыбки на продажу. Никакой демонстрации успеха. Только тёмные глаза, аккуратный воротник рубашки, рука на краю стола. Вера увеличила снимок и тут же почувствовала себя дурой.

Она рассматривала его пальцы.

Длинные. Сухие. Собранные. Рука человека, который умеет чинить точные вещи и держать себя в руках до тех пор, пока внутри всё не начнёт трескаться.

— Господи, Вера, — сказала она себе. — Ты серьёзно?

Туман поднял голову.

— Не комментируй.

Она закрыла сайт.

Через минуту открыла снова.

Внизу страницы был список партнёров. Среди них — техническое обслуживание нескольких городских сервисов и

частных кризисных центров. Название её службы не было указано напрямую, но аббревиатура внутренней платформы мелькнула в описании проекта.

Вера почувствовала, как весь воздух в сквере меняет плотность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.